

Успеть вспомнить

01.07.2024

Меня везли на кресле по коридорам областной больницы.

— Куда? – спросила одна медсестра другую. – Может, не в отдельную, может, в общую?
Я заволновалась.

— Почему же в общую, если есть возможность в отдельную?

Сестры посмотрели на меня с таким искренним сочувствием, что я несказанно удивилась. Это потом я узнала, что в отдельную палату переводили умирающих, чтобы их не видели остальные.

— Врач сказала в отдельную, – повторила медсестра.

Я успокоилась. А когда очутилась на кровати, ощутила полное умиротворение уже только от того, что никуда не надо идти, что я уже никому ничего не должна, и вся ответственность моя сошла на нет. Я ощущала странную отстраненность от окружающего мира, и мне было абсолютно все равно, что в нем происходит.

Меня ничего и никто не интересовал. Я обрела право на отдых. И это было хорошо. Я осталась наедине с собой, со своей душой, со своей жизнью. Только Я и Я. Ушли проблемы, ушла суета и важные вопросы. Вся эта беготня за сиюминутным показалась настолько мелкой по сравнению с Вечностью, с Жизнью и Смертью, с тем неизведанным, что ждет там, за небытием...

И тогда забурлила вокруг настоящая Жизнь! Оказывается, это так здорово: пение птиц по утрам, солнечный луч, ползущий по стене над кроватью, золотистые листья дерева, машущего мне в окно, глубинно-синее осеннее небо, шумы просыпающегося города – сигналы машин, спешащее цоканье каблучков по асфальту, шуршание падающих листьев... Господи, как замечательна Жизнь! И я только сейчас это поняла...

— Ну и пусть, — сказала я себе. – Но ведь поняла же. И у тебя есть еще пара дней, чтобы насладиться ею и полюбить ее всем сердцем.

Охватившее меня ощущение свободы и счастья требовало выхода, и я обратилась к Богу, ведь он был ко мне уже ближе всех.

— Господи! – радовалась я. – Спасибо тебе за то, что ты дал мне возможность понять, как

прекрасна Жизнь, и полюбить ее. Пусть перед смертью, но я узнала, как замечательно жить!

Меня заполняло состояние спокойного счастья, умиротворения, свободы и звенящей высоты одновременно. Мир звенел и переливался золотым светом божественной Любви. Я ощущала эти мощные волны ее энергии. Казалось, Любовь стала плотной и в то же время мягкой и прозрачной, как океанская волна. Она заполнила все пространство вокруг, даже воздух стал тяжелым и не сразу проходил в легкие, а втекал медленной, пульсирующей водой. Мне казалось, все, что я видела, заполнялось этим золотым светом и энергией. Я Любила! И это было слиянием мощи органной музыки Баха и летящей ввысь мелодии скрипки.

Отдельная палата и диагноз «острый лейкоз четвертой степени», а также признанное врачом необратимое состояние организма имели свои преимущества. К умирающим пускали всех и в любое время. Родным предложили вызывать близких на похороны, и ко мне потянулась прощаться вереница скорбящих родственников. Я понимала их трудности: о чем говорить с умирающим человеком? Который, тем более, об этом знает. Мне было смешно смотреть на их растерянные лица. Я радовалась: когда бы я еще увидела их всех! А больше всего на свете мне хотелось поделиться любовью к Жизни – ну разве можно не быть от этого счастливым! Я веселила родных и друзей, как могла: рассказывала анекдоты, истории из жизни. Все, слава богу, хохотали, и прощание проходило в атмосфере радости и довольства. Примерно на третий день мне надоело лежать, я начала гулять по палате, сидеть у окна. За сим занятием и застала меня врач, сначала закатив истерику по поводу того, что мне нельзя вставать.

Я искренне удивилась:

— Это что-то изменит?

— Нет, — теперь растерялась врач. – Но вы не можете ходить.

— Почему?

— У вас анализы трупа. Вы и жить не можете, а вставать начали.

Прошел отведенный мне максимум – четыре дня. Я не умирала, а с аппетитом лопала колбасу и бананы. Мне было хорошо. А врачу было плохо: она ничего не понимала. Анализы не менялись, кровь капала едва розоватого цвета, а я начала выходить в холл смотреть телевизор.

Врача было жалко. Любовь требовала радости окружающих.

— Доктор, а какими вы бы хотели видеть эти анализы?

— Ну, хотя бы такие. – Она быстро написала мне на листочке какие-то буквы и цифры. Я ничего не поняла, но внимательно прочитала. Врач посмотрела на меня, что-то пробормотала и ушла.

В девять утра она ворвалась ко мне в палату с криком:

— Как вы это делаете?!

— Что я делаю?

— Анализы! Они такие, как я вам написала.

— А-а! Откуда я знаю? Да и какая, на фиг, разница?

Лафа кончилась. Меня перевели в общую палату. Родственники уже попрощались и ходить перестали.

В палате находились еще пять женщин. Они лежали, уткнувшись в стену, и мрачно, молча и активно умирали. Я выдержала три часа. Моя Любовь начала задыхаться. Надо было что-то срочно делать. Выкатив из-под кровати арбуз, я затащила его на стол, нарезала и громко сообщила:

— Арбуз снимает тошноту после химиотерапии.

По палате поплыл запах свежего снега. К столу неуверенно подтянулись остальные.

— И правда снимает?

— Угу, — со знанием дела подтвердила я, подумав: «А хрен его знает».

Арбуз сочно захрустел.

— И правда, прошло, — сказала та, что лежала у окна и ходила на костылях.

— И у меня... И у меня... — радостно подтвердили остальные.

— Вот, — удовлетворенно закивала я в ответ. — Как-то случай у меня один был... А анекдот про это знаешь?

В два часа ночи в палату заглянула медсестра и возмутилась:

— Вы когда ржать перестанете? Вы же всему этажу спать не даете!

Через три дня врач нерешительно попросила меня:

— А вы не могли бы перейти в другую палату?

— Зачем?

— В этой палате у всех улучшилось состояние. А в соседней много тяжелых.

— Нет! — закричали мои соседки. — Не отпустим.

Не отпустили. Только в нашу палату потянулись соседи, просто посидеть, поболтать, посмеяться. И я понимала почему. Просто в нашей палате жила Любовь. Она окутывала каждого золотистой волной, и всем становилось уютно и спокойно. Особенно мне нравилась девочка-башкирка лет шестнадцати в белом платочке, завязанном на затылке узелком. Торчащие в разные стороны концы платочка делали ее похожей на зайчонка. У нее был рак лимфоузлов, и мне казалось, что она не умеет улыбаться. А через неделю я увидела, какая у нее обаятельная и застенчивая улыбка. А когда она сказала, что лекарство начало действовать и она выздоравливает, мы устроили праздник, накрыв шикарный стол. Венчали его бутылки с кумысом, от которого мы быстро забалдели, а потом перешли к танцам. Пришедший на шум дежурный врач ошалело смотрел на нас, после сказал:

— Я тридцать лет здесь работаю, но такое вижу первый раз.

Развернулся и ушел. Мы долго смеялись, вспоминая выражение его лица. Было хорошо.

Я читала книжки, писала стихи, смотрела в окно, общалась с соседками, гуляла по коридору и так любила все, что видела: книгу, компот, соседку, машину во дворе за окном, старое дерево. Мне кололи витамины. Надо же было что-то колоть. Врач со мной почти не разговаривала, только странно косилась, проходя мимо, и через три недели тихо сказала:

— Гемоглобин у вас на 20 единиц выше нормы здорового человека. Не надо его больше повышать.

Казалось, она за что-то сердится на меня. По идее, получалось, что она дура и ошиблась с диагнозом, но быть этого никак не могло, и она это тоже знала.

А однажды она мне пожаловалась:

— Я не могу вам подтвердить диагноз. Ведь вы выздоравливаете, хотя вас никто не лечит. А этого не может быть.

— А какой у меня диагноз?

— Я еще не придумала, — тихо ответила она и ушла.

Когда меня выписывали, врач призналась:

— Так жалко, что вы уходите, у нас еще много тяжелых.

Из нашей палаты выписались все. А по отделению смертность в этом месяце сократилась на 30 процентов.

Жизнь продолжалась. Только взгляд на неё становился другим. Казалось, что я начала смотреть на мир сверху, и потому изменился масштаб обзора происходящего. А смысл жизни оказался таким простым и доступным. Надо просто научиться любить, и тогда твои возможности станут безграничными, а все желания сбудутся, если ты, конечно, будешь эти желания формировать с любовью. И никого не будешь обманывать, не станешь завидовать, обижаться и желать кому-то зла. Так все просто и так все сложно.

Ведь это правда, что Бог есть Любовь. Надо только успеть это вспомнить...

Людмила Ламонова